

Волкова Полина Станиславовна
Краснодарское Высшее военное училище
им. генерала армии С. М. Штеменко,
г.Краснодар, Российская Федерация
polina7-7@yandex.ru

Практический смысл П. Бурдьё: PRO ET CONTRA⁶⁸⁵

Аннотация. В статье осуществляется ревизия идей П. Бурдьё, высказанных ученым в работе «Практический смысл». Отстаивая точку зрения, согласно которой практический смысл есть оборотная сторона смысла теоретического, автор выстраивает систему аргументации, доказывая, что вне отмеченной бинарности как универсального закона мироздания, практический смысл вырождается до иницируемого природой автоматизма, что низводит индивида до уровня биологического организма, запрограммированного на определенный результат. В качестве аргументов приводятся данные из таких гуманитарных областей знания, как философия языка, социолингвистика и психолингвистика, а также из сферы искусства (визуальная поэзия). Позиционируя смысл как социокультурный феномен, автор делает вывод о том, что вне смыслообразования, напрямую связанного со сферой идеального, практическая сторона смысла являет собой реализуемую посредством моторных схем и телесного автоматизма природную необходимость, которая, как правило, закрепляется и поддерживается социумом.

Ключевые слова: практический смысл – теоретический смысл; материальное – идеальное; природное – надприродное; внешнее – внутреннее; принцип бинарности

Volkova Polina Stanislavovna
Krasnodar higher military
college of them. army general S. M. Shtemenko,
Krasnodar, Russian Federation
polina7-7@yandex.ru

Practical meaning of P. Bourdieu: PRO ET CONTRA⁶⁸⁶

Abstract. The article reviews the ideas of P. Bourdieu, expressed by the scientist in the work "Practical sense". Defending the point of view, according to which the practical sense is the reverse side of the theoretical sense, the author builds a system of argument, proving that outside of the marked binary as a universal law of the universe, the practical sense degenerates to automatism initiated by nature, which reduces the individual to the level of a biological organism programmed for a certain result. The arguments are based on data from the Humanities, such as philosophy of language, sociolinguistics and psycholinguistics, also from

---

⁶⁸⁵ Статья подготовлена по материалам исследовательского проекта Кубанского Государственного Аграрного Университета, выполненного в рамках гранта по проекту № 19-011-00241 «Проблемы устойчивого развития сельских территорий. Программа социологического исследования»

⁶⁸⁶ The article is based on the materials of the research project of the Kuban State Agrarian University, carried out under the grant for the project № 19-011-00241 "Problems of sustainable development of rural territories. The program of sociological research"

the field of art (visual poetry). Positioning the meaning as a socio-cultural phenomenon, the author concludes that outside of meaning formation, which is directly related to the sphere of the ideal, the practical side of meaning is a natural necessity realized through motor schemes and bodily automatism, which, as a rule, is fixed and supported by society.

Keywords: practical meaning-theoretical meaning; material – ideal; natural-super-natural; external-internal; binary principle

П. Бурдьё – В. Фон Гумбольдт: *ergon* и *energeia*

В центре нашего внимания – монографическое исследование П. Бурдьё, увидевшее свет в конце второй половины XX века. Связывая поступки индивида с характером его социализации, французский социолог вводит в научный оборот понятие «практический смысл», которое уточняется другим, синонимичными первому. Поясняя его специфику, ученый пишет: «Практическое чувство – социальная необходимость, ставшая природой и преобразованная в моторные схемы и телесные автоматизмы – позволяет практикам, в том и через то, что остается в них неясным с точки зрения их производителей и в чем обнаруживают себя принципы интерсубъективности их производства, быть *осмысленными*, а иначе говоря – наполненными здравым смыслом» [Бурдьё, 2001: 135].

Для аргументации представленной позиции Бурдьё обращается к авторитету В. фон Гумбольдта, настаивая на том, что «следует идти, согласно оппозиции, от *ergon* к *energeia*, от предметов или действий к принципам их произведения, а точнее, от конкретной аналогии или метафоры, свершившегося факта и мертвой буквы (*a/B : : c/d*), которые рассматривает объективистская герменевтика, к аналогической практике как *переносу схем*, который осуществляется габитусом на основе уже установленных эквивалентностей, облегчающих взаимозаменяемость разных реакций и позволяющих добиться своеобразного практического обобщения всех однотипных проблем, способных возникнуть в новых ситуациях» [Бурдьё, 2001: 184]. Однако именно в этом случае налицо диссонанс, обнаруживаемый между практическим смыслом П. Бурдьё и внутренней формой языка, который требует своего разрешения в контексте современной гуманитарной науки.

Смыслообразование как коррелят мыследеятельности индивида: социо-психолингвистический аспект

Возвращаясь к Гумбольдту, который писал о двойственном характере языка, обусловленном, с одной стороны, наличием внешней формы, с другой, – формы внутренней, важно подчеркнуть, что именно внутреннюю форму языка Гумбольдт рассматривал как сугубо духовное образование [Гумбольдт, 1984]. В силу того, что внешняя форма языка может быть востребована индивидами в процессе коммуникации безотносительно внутренней, Гумбольдт заостряет внимание на том, что язык – это не продукт деятельности (*Ergon*), но сама деятельность (*Energeia*) [Гумбольдт, 1984]. Несколько иначе о возможном рассогласовании внутреннего и внешнего высказался

Дж. Мид, оперируя понятием «значения», которое в данном контексте звучит в унисон с понятием «внешняя форма». Согласно позиции ученого, «осознание или сознание не обязательны для присутствия значения в процессе социального бытия... Несмотря на то, что значение <слова> может стать осознанным среди людей, оно присутствует в социальном действии *прежде* появления сознания и осознания значения» [цит. по: Ритцер, 2002: 251]. По сути, именно такое неосознанное значение – коррелирует с внешней формы языка – Гумбольдт определял, как «голое», т. е. абстрактное артикуляционное чувство [Гумбольдт, 1984].

Выскажем предположение, что имманентно присущая языку двойственность обусловлена двойственной природой самого человека. В одном случае речь идет об образе сознания как индивидуальной *информационной системе*, которая является собой автоматически запущенное природой «устройство», наделенное способностью к самоорганизации. В другом, – о *системе концептуальной*, организация которой осуществляется посредством её – системы – носителя, т. е. коммуникативной личности [Волкова, 2017: 207–214]. Имеется в виду процесс мыследеятельности как опыт смыслообразования. При этом если в контексте природы универсальная для всего тварного мира информационная система предстает самодостаточной, поскольку определяемая ею программа жизнедеятельности не только оказывается исчерпывающей для биологического организма, но и оптимальной с точки зрения поддержания природного равновесия, то с точки зрения индивида такая система – лишь стартовая площадка, призванная обеспечить как развитие его природных сил, так и сил надприродных. Однако если в отношении умножения своей природной мощи человечество превзошло самые дерзкие прогнозы, научившись, например, компенсировать отсутствие возможности размножения технологией ЭКО, в том числе подарив миру надежду на вечную жизнь посредством крионики и т.п., то в отношении умножения надприродных, т.е. сущностных, сугубо человеческих сил потерпело фиаско.

Закономерность поражения, чреватого гибелью всего живого на земле, обусловлена тем, что инициирующая развитие природных сил познавательная активность оказывается изначально «встроенной» в индивидуальную информационную систему, обеспечивая её самоорганизацию наряду с языковой активностью. В данном контексте имеется в виду коммуникативная функция языка, наличие которой у всех без исключения природных организмов сегодня не подвергается сомнению. Другими словами, обе активности – и познавательная, и коммуникативная одинаково «работают» на адаптацию живого организма к окружающей его среде, будучи врожденными. Именно потому, что и процесс познания, и коммуникативный процесс актуализируются одновременно с актуализацией самой индивидуальной информационной системы, они не требуют для своего развития никаких дополнительных условий, кроме естественной среды обитания, которая, по сути, и является главным стимулом для их активизации.

Напротив, надприродные силы, пробуждаемые опытом смыслообразования, не могут развиваться автоматически, сами собой, поскольку для их актуализации требуется иная, искусственно созданная среда обитания. На первый взгляд, в качестве таковой можно рассматривать всевозможные социальные институты, в первую очередь, семью. Однако в силу того, что традиционная семья сегодня оказалась под вопросом, традиционные, т.е. вневременные, для такого первичного социального института ценности подменяются ценностями, которые отмечены локальным характером. Речь идет о приоритетах, обусловленных конъюнктурой текущего момента, вследствие чего индивид изначально ориентирован на ценности, которые не выходят за рамки его собственных интересов, что с неизбежностью разобщает людскую массу. Происходит ли нечто отличное от сложившегося положения дел в первичном социальном институте в ситуации, когда процесс социализации перекладывается на плечи субъектов образования?

Наш ответ будет отрицательным лишь с одной оговоркой. Несмотря на то, что школа предпринимает попытку приобщить индивида к таким ценностям, значимость которых с точки зрения рода (народа) превышает значимость отдельного его представителя, в большинстве случаев школа как социальный институт остается «школой слова», не умея стать «школой мысли». В итоге слова оказываются в стороне от дел, что свидетельствует о доминировании индивидуальной информационной системы как безличностного механизма над индивидом, чья жизнь предстает сплошной имитацией социальных отношений.

Освобождение от гнета природной активности, реализуемой на уровне рефлексов, обеспечивает рефлексия, посредством которой коммуникативная функция языка дополняется функцией смыслообразующей. Являя собой интересубъективный феномен, смысл выступает в качестве связующей всех и все нитью, определяя собой единство природного и надприродного. В этом случае индивидуальная информационная система как природный механизм трансформируется в индивидуальную концептуальную систему как гарант искомой целостности. Речь идет, с одной стороны, о сохранении уникальности коммуникативной личности, которая опознается в неповторимости её природного дара, а с другой, – в её осознанном стремлении приложить все усилия для того, чтобы отдарить полученное от природы. Имеется в виду событие данного (человек как природное существо) и созданного (человек как существо социальное), в пространстве которого то, что получено просто так, от рождения, необходимо вернуть, ничего не требуя взамен, лишь с одной оговоркой: полученное от природы возвращается социуму. Специально оговорим, что социальность здесь менее всего связывается с социальным инстинктом как сугубо природным феноменом, которым отмечены муравьи, пчелы и т.п. Проявляясь, как правило, самопроизвольно в ситуации, представляющей угрозу для всего человечества (войны, эпидемии), такой социальный инстинкт сходит на нет, когда грозящая человечеству опасность минимизируется.

Возвращаясь к практическому смыслу П. Бурдые, заметим, что с точки зрения индивидуальной информационной системы он являет собой лишь имитацию социальных отношений, будучи связан с инициируемой природой познавательной активностью, в рамках которой человеческий мозг презентует себя исключительно как адаптирующий индивида к социуму «орган выживания» [Левин, 1994: 169]. Потому, в полном согласии с природной программой практическое чувство Бурдые «отбирает» те или иные предметы и поступки, а стало быть, и те или иные их аспекты, в зависимости от «существа дела», по принципу имплицитно-практической существенности; выделяя те из них, которые нужны ему для какого-либо дела или которые определяют, что делать в данной ситуации, рассматривая в качестве эквивалентных разные предметы и ситуации, оно отделяет существенные свойства от несущественных» [Бурдые, 2001: 175].

Поскольку обусловленная природой познавательная активность индивида «работает» на сугубо природную программу – выжить вопреки всему, понятно, почему именно практическое чувство, «не заботясь ни о правилах, ни о принципах (кроме случаев срыва и неудачи), а уж тем более о расчетах и дедукциях, которые заведомо исключаются безотлагательностью поступка, «не терпящего никакой задержки», – как раз и позволяет человеку сразу, с первого взгляда и в горячке действия оценить смысл ситуации и немедленно осуществить подходящий ответ» [Бурдые, 2001: 205]. Более того, лишь тогда, когда вопрос о выживании становится особенно острым, мозг демонстрирует чудеса изобретательности.

Акцентируя внимание на «переносе схем, который осуществляется габитусом на основе уже установленных эквивалентностей, облегчающих взаимозаменяемость разных реакций и позволяющих добиться своеобразного практического обобщения всех однотипных проблем, способных возникнуть в новых ситуациях» [Бурдые, 2001: 184], П. Бурдые упускает из вида то обстоятельство, что осуществляемый практическим чувством «перенос» не имеет никакого отношения к отмеченным динамикой схемам мыследеятельности. Другими словами, если язык как *деятельность* есть не что иное, как осуществляемый изнутри сознания поступок или иначе – рефлексия, то практический смысл – это обусловленное реакцией на внешний раздражитель *действие* или иначе – рефлекс. Аналогом такого действия будет практическая сметка или же упоминаемый ранее Бурдые пресловутый «здравый смысл», т. е. рассудок, наличие которого позволяет индивиду извлекать моментальную выгоду из любой ситуации. Мгновенная реакция организма на внешний раздражитель обусловлена именно тем, что сами ответные реакции предстают «заранее приспособленными ко всем объективным условиям, тождественным или гомологичным прошлым условиям своего формирования...» (курсив наш. – П.В.) [Бурдые, 2001: 127].

Напротив, осознание недопустимости доминирования безличностного природного механизма над личностью требует от социального субъекта постоянного сопротивления стихийной мощи языка, опознаваемой на уровне террора

рациональности (кода), а также непрестанного отстаивания права на свою речевую собственность в напряженной мыследеятельности. При этом ни что иное, как иницируемая природой познавательная активность служит точкой отсчета для осуществляющего мыслеречевую деятельность субъекта, когда на смену рефлексу приходит рефлексия.

Отталкиваясь от этимологии данного термина (от лат. *reflexio* – взгляд назад), нельзя не заметить, что в целом мыслеречевая деятельность являет собой противостоящий механической, т. е. исключительно природной связи невербальных и вербальных элементов системы опыт смыслообразования, посредством которого обусловленная природой механическая связь должна получить новое, сугубо человеческое оправдание [Волкова, Жукова, Передерий, 2018]. Поскольку собственно человеческое оказывается шире биологического, замыкающего индивида на самом себе, опыт смыслообразования обеспечивает социальному субъекту «прирост его сущностных сил», актуализируемый «через понимание смысла деятельности как процесса, значение которого выходит за рамки простого удовлетворения потребностей индивида» [Брудный, 1987: 7]. Как пишет И. Д. Левин, «животные «думают» только о себе, а человеческое самопознание выводит человека «вне себя» [Левин, 1994: 167].

Основополагающим для нас в данном контексте оказывается тот факт, что осознанный индивидом опыт согласования обусловленных релевантной несовместимостью элементов системы противоречий есть приведение этих элементов к состоянию мерной напряженности, т. е. такому универсальному закону, посредством которого происходит и поддержание природного равновесия [Кайдаков, 2002]. То обстоятельство, что в традиционных обществах (о которых упоминает в своем монографическом исследовании П. Бурдье) соблюдение этого закона определяет в целом жизнедеятельность определенной социальной группы мы менее всего связываем с опытом смыслообразования, осуществляемым каждым членом такого сообщества.

Думается, что в данном случае налицо ситуация, когда характерное для традиционного общества родовое сознание оказывается несовместимым с индивидуальным сознанием современного человека, для которого грамматика языка оказывается полностью оторвана от логики родового действия. Речь идет вот о чем. Изначально обретаемое отдельными представителями рода (старейшинами, вождями, шаманами и т. п.) исключительно посредством смыслообразования знание в силу его трансляции на большие социальные группы с позиции приемлемого для всех «эффективного способа деятельности» со временем с неизбежностью подвергается десакрализации. Другими словами, именно в силу многократной передачи из поколения в поколение некогда сакральное знание приобретает статус «общепринятого пути к удовлетворению потребности», что влечет за собой подмену смысла традицией [Брудный, 1987: 7].

Соответственно, если практический смысл в действительности являет собой ярчайшее доказательство того, что человек – это *бытие в функционировании* [Кайдаков,

1998: 14], то подлинный, «отражающий существование взаимной связи между законами развития» смысл [Брудный, 1987: 4], есть *бытие в деятельности* [Кайдаков, 1998: 14]. При этом если индивид оказывается во власти природной программы, он с неизбежностью опускается ниже любого животного точно так же, как установка на возделывание индивидом своей собственной природы, в процессе которого познавательная активность уравнивается смыслообразованием, а инициируемый мышечным рефлексом акт говорения – речемыслительной деятельностью, делает человека больше самого себя, способствуя преодолению природных оков. Осознание связи всего со всем обуславливает социальному субъекту единство как с миром людей, так и с миром природы в его сопричастности обоим мирам, что и задает иной масштаб личности. Как пишет Б. Г. Кузнецов, «смысл локального объекта или процесса – в его приобщении к бесконечности» [Кузнецов, 1975: 160–161].

Проблема смысла в социологии

По сути, способность отвлечься от своей персоны, отдалиться от себя самого оборачивается способностью приблизиться ко всем, кто не я. Складывается ситуация, о которой М. М. Бахтин писал так: «Я-единственный из себя исхожу, а всех других нахожу – в этом онтологически-событийная разноточность» [Бахтин, 1994: 66]. Суть онтологически-событийной разноточности заключается, на наш взгляд, в том, что если следование природной программе стирает человеческую индивидуальность, растворяя потенциальную личность в безличностном механизме, посредством которого все подпадающие под власть своих природных инстинктов люди превращаются в безликую массу, то осознанное, а потому самостоятельное движение навстречу ко всему, что не я – в действительности есть движение на встречу с собственной личностью. Состоятельность искомой встречи – знак подлинности человеческого существования. Речь в данном случае идет о том, что обретение связи между личностью и окружающим её миром, частью которого она является и который включает в себя наряду с одним я и все другие я с неизбежностью накладывает на всех определенные обязательства по отношению друг к другу [Волкова, Жукова, Передерий, 2018].

В силу того, что осознание этих обязательств определяется не столько внешними факторами, сколько внутренними, становится очевидным, что в противоположность познавательной активности, которая «работает» на то, чтобы индивиду было хорошо, опыт смыслообразования способствует тому, чтобы человек становился лучше, все меньше и меньше ощущая свою зависимость от природной программы. Примечательно, что встреча с самим собой есть не что иное, как процесс идентификации, т. е. обретение своей индивидуальности в её неповторимости и уникальности, для воплощения которой, думается, и дается нам жизнь.

Помимо этого, основанное на рефлексии кодирование невербальных элементов системы исключает возможность трагической инверсии низа и верха, посредством которой вербальность занимает главенствующее положение по отношению к

невербальности, что влечет за собой не только утрату целостной картины мира, делая недостижимым выход за налагаемые природой границы. Обусловленная природой, но актуализируемая вне мыслеречевой деятельности способность говорить становится источником самообмана для того, кто, оставаясь по сути говорящим животным, считает себя человеком.

Катастрофичность такого самообмана опознается в ложной установке сознания, нацеленной на ложные ценности, для достижения которых прибегают к лживой коммуникации, чтобы оказаться впереди тех, кто также одержим желанием обладать этими ложными ценностями. В итоге то, что кажется важным и нужным с точки зрения природной программы в действительности оборачивается для человека тотальной бессмыслицей, страх перед которой порождает необходимые для её маскировки симулякры. Именно в этом случае возникают проблемы экологии, экономики, политики, сельского хозяйства и всей государственной системы в целом, за масштабностью которых мало кто видит столь незначительный на первый взгляд сбой в индивидуальной информационной системе. Однако ни что иное, как этот изначальный системный сбой, когда человек, чьи возможности далеко выходят за рамки накладываемых природой границ живет, добровольно оставаясь рабом безличностного природного начала, и служит тем пусковым механизмом, который может однажды привести к вселенской катастрофе: «крепость цепи определяется крепостью самого слабого звена её» [Ленин, 1958–1965: 109].

Заключение

Подытоживая вышеизложенное, заметим: поскольку практический смысл П. Бурдые выступает порождением природного «устройства», в рамках которого безличностная программа доминирует над собственно человеческой деятельностью (мыслеречевой деятельностью), реализующие практический смысл индивиды представляют собой наиболее благоприятное для манипулирования социальное большинство, легко поддающееся управлению посредством кнута и пряника. В то же время, долгое время находящаяся под прессингом социальная природа однажды может проявить свою мощь, круша и ломая обусловленные социумом границы. Зная и помня об этом, необходимо отчетливо осознавать, что в центре каких бы то ни было социальных проблем проблема смыслообразования сугубо человеческая проблема должна рассматриваться в качестве фундаментальной проблемы XXI в.

Библиографический список

Бахтин М. М. К философии поступка // М. М. Бахтин. Работы 1920-х годов. Киев: «NexT», 1994. С. 11–68.

Брудный А. А. К методологии смыслового анализа // Экспериментальный анализ смысла: сб. нач. ст. Фрунзе: КГУ, 1987. С. 3–9.

Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

Волкова П. С., Жукова Т. А., Передерий В. А. Социология в контексте культуры и духовной жизни: учеб. пособие для студентов бакалавриата. Краснодар: КубГАУ, 2018. 308 с.

Волкова П. С. Язык и речь в пространстве культуры: интерпретация и реинтерпретация. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 4. С. 207–214.

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.20>.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М. Прогресс, 1984. 400 с.

Кайдаков С. В. Человек в зеркале античной философии. М. 2002. 109 с.

Кайдаков С. В. Теологическая основа философии Лейбница // История философии. Вып. 3. М.: ИФ РАН, 1998. С. 3–15.

Кузнецов Б. Г. Путешествие через эпохи. М.: Молодая гвардия, 1975. 190 с.

Левин И. Д. Сочинения: В 2-х т. Т. I. М.: Радикс, 1994. 558 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55-ти т. Т. 45. М.: Госполитиздат, 1958–1965. 729 с.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.